

18+

ЭДГАР УОЛЛЕС

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Перевод с английского: Дмитрий Корсаков

Эдгар Уоллес

Под прицелом

«Издательские решения»

Уоллес Э.

Под прицелом / Э. Уоллес — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Чикаго. 1920-е годы. Эпоха «сухого закона», джаза и власти пулеметов. Тони Перелли — «Герцог» преступного мира, человек с сердцем ребенка и душой дьявола. Он слушает орган в своих роскошных апартаментах, пока его верные «хористы» расчищают улицы от конкурентов. Но в мире, где предательство — лишь вопрос цены, а любовь соседствует с расчетом, даже самый хитрый игрок может оказаться под прицелом.

© Уоллес Э.

© Издательские решения

Содержание

Эдгар Уоллес	6
Чикаго, 1929 год	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Под прицелом

Эдгар Уоллес

Переводчик с английского Дмитрий Корсаков

© Эдгар Уоллес, 2026

ISBN 978-5-0070-5234-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эдгар Уоллес

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Жанр: Гангстерский детектив, нуар

Атмосфера: Чикаго 1930-х годов, напряжение, роскошь и опасность, «сухой закон».

Перевод с английского: Дмитрий Корсаков

Чикаго, 1929 год

Глава 1

Тони Перелли не был «желторотым» — ни согласно собственному кодексу, ни по более строгим меркам. Стучать беспомощной полиции — это была трусость, «желтизна», но жаловаться во весь голос своим на несправедливость — вовсе нет. Предать напарника считалось низостью, но только если тот сам не сфилонил или не струсил; впрочем, даже в этом случае наводить копов на его грехи было не по-пацански. По законам чести следовало отвезти его в какое-нибудь безлюдное место и «прописать высшую меру».

Охваченные ужасом фермеры, находившие в серых утренних сумерках окоченевшие тела на границах своих угодий, могли сколько угодно впадать в истерику от такой жестокости, но факт оставался фактом: это было правосудие. Своеобразное правосудие, которое Запад и Средний Запад понимали и слишком часто поощряли.

Возьмем, к примеру, «Рыжего» Галлоуэя.

Рыжий успел перепробовать почти всё, что выходит за рамки закона. Он был «питерменом» (эвфемизм для взломщика сейфов), аферистом, налётчиком и содержателем сомнительных заведений. Из этого бурного и не слишком доходного варева профессий он переключался в бизнес по контрабанде спиртного, который принес ему богатство, превосходящее любые мечты, комфортную жизнь, неприкосновенность со стороны властей и дружбу «честных парней». Успех вскружил ему голову: он стал болтлив, задирист, а в довершение ко всему — начал баловаться «белым порошком».

Анджело Верона, лощеный начальник штаба, пытался его образумить.

— Послушай, Рыжий, я бы на твоём месте завязывал с этой дрянью. Тони не потерпит кокаина в нашей конторе.

Уродливое лицо Рыжего искривилось в усмешке. — Вот как?

Анджело кивнул, устремив серьёзный взгляд карих глаз на слабака. — Кокаин ещё никому не приносил пользы, — сказал он. — Да, на какое-то время ты чувствуешь себя важной птицей, но когда эффект проходит, ты — просто пустое место. И стоит ребятам из Главного управления прижать такого парня для допроса, как он тут же рассыпается на части. — Вот как? — Именно — так, — кивнул Анджело.

Рыжий ошивался вместе с приятелем — Мозом Лисоном, бывшим механиком из Гэри. Этих двоих объединяли низменные аппетиты; в грязи и убожестве бедных кварталов они чувствовали себя куда уютнее, чем в роскоши прибрежных ресторанов.

Именно Лисону принадлежала честь открытия, которое сыграло важную роль в жизни Тони Перелли.

Моз был беден и раболепен. Для него Рыжий был величайшим из «Больших Шишек», человеком из мира дорогих лимузинов и шелковых рубаш. Он относился к своему более удачливому другу с почтением подданного перед монархом. Как-то раз за выпивкой в подпольном баре фирмы Моз, грубый телом и душой, поделился информацией и сделал предложение.

Рыжий покачал головой. — Китайские девчонки меня не колышут, Моз, — бросил он. — Слушай, тут в центре есть одна деваха, которая от меня без ума. Дочка Джо Энрико! Но я на неё даже дважды не гляну. Вот такой я человек, Моз. — Ясное дело, — поддакнул тот.

Но на Мин Ли он глянул и дважды, и трижды. Моз обычно встречал её на лестнице в том обшарпанном доходном доме, где жил сам. Она была китайкой и была прекрасна. Миниатюрная, со стройной фигуркой и крошечными белыми руками, которые его завораживали. Кожа — словно атлас: один только взгляд на неё заставлял почувствовать её мягкость. Глаза с восточным разрезом и волосы — не иссиня-черные, как обычно у азиатов, а с мягким отливом.

При встрече он криво ухмылялся ей. Затем попробовал заговорить и не встретил сопротивления. Она была очень простой, милой и охотно шла на контакт. Ее звали Мин Ли. Ее муж был художником, причем больным. Сама она рисовала эскизы для модных журналов.

Моз был ошарашен ее искренней серьезностью и долго не мог найти лазейку для более личного подхода. Позже, когда он предложил ей поужинать в шикарном заведении в центре, она была скорее удивлена, чем обижена.

— Но мой муж болен, — ответила она. — Я никак не могу оставить его одного. — Ой, брось, детка! Я всё устрою: придет женщина и посидит с ним...

Она покачала головой. А когда он попытался нащупать её руку, руки на месте не оказались — как и самой девушки.

После этого она начала его избегать. Он подозревал, что она специально выжидает его ухода, прежде чем отправиться на рынок. Чтобы проверить это, однажды утром он вышел пораньше и затаился в конце квартала. Вскоре он увидел её и преградил ей путь.

— Эй, ангельское личико! Что за фокусы? Бегаешь от меня?

Она была слишком честна, чтобы отрицать очевидное, и попыталась проскочить мимо, но он схватил её за руку.

— Погоди-ка!

Он мог бы наговорить еще много чего, но костлявый кулак ткнул его прямо под лопатку. Моз крутанулся на месте и столкнулся с беспощадным взглядом голубых глаз человека, которого у него были все причины ненавидеть. Сержант Харриган из Центрального управления был лаконичен и оскорбительно прямолинеен.

— Эй, ты! Оставь китайскую девчонку в покое и поведай-ка мне историю своей жизни. Ту её часть, что началась вчера в пять вечера и закончилась, когда ты завалился дрыхнуть.

Мин Ли упорхнула, как испуганный голубь, и мгновенно затерялась в толпе.

— Да господин Харриган, я понятия не имею, о чем вы, — голос Моза превратился в жалобное, монотонное нытьё.

— Кто-то выставил джентльмена неподалеку от Грант-парка: выгреб три сотни долларов и часы из кармана, а самого беднягу оставил валяться на тротуаре.

— Послушайте, господин Харриган, я лег спать в десять...

— Врешь. Тебя видели около «Ипподрома» в полночь. И у Грант-парка в девять вечера.

Последовали обыск в убогой каморке Лисона и личный досмотр самого Моза. Весь тот день он метался между полицейским управлением и клиникой, куда доставили ограбленного и избитого горожанина. Оpozнание не состоялось, и вечером Моза отпустили — злого, но испытавшего огромное облегчение.

Мин Ли узнала об этой истории, и это её встревожило. Умирающий художник, стенавший в своей чистой постели, ворчливо вопрошал, о чем, черт возьми, она думает и зачем готовит ему мясной суп в пятницу. Он никогда не был религиозен, пока не слег. Напротив, он придерживался самых передовых взглядов, которые настолько обесценивали священные символы божественности, что у тех едва ли оставались причины для существования. Но с тех пор как он заболел, он приказал ей уничтожить некоторые рисунки — особенно карикатуру, так забавно высмеивающую представления чикагцев о рае. А еще — все его этюды в стиле «ню» и некоторые вопиющие непристойности, украшавшие стены.

Мин Ли не радовалась и не грустила. Эти грубые наброски ничего не значили для неё. Она признавала факты как они есть, не приукрашивая и не смягчая их. Джон Уэйт был плохим художником; она никогда не считала, что в его душе таятся семена бессмертия. Его перспективы были плоскими, работа с цветом — сумбурной, у него не было чувства линии, и даже его уклон в вортицизм — последнее прибежище всех бездарных живописцев — никого не убедил.

Он был её мужчиной, вот и всё. Жизнь и судьба связали их. Этого было достаточно для привязанности, похожей на любовь, но недостаточно для преклонения. И всё же она не любила

его, но уважала. И он умирал. Немецкий врач сказал: три месяца, может, четыре. Теперь к ним заходил священник, добрый человек, которого не шокировало присутствие Мин Ли; он разговаривал с ней по-человечески. Он тоже давал сроку три месяца. Были попытки отправить художника на побережье, но из этого ничего не вышло. Он яростно протестовал против благотворительности — он, годами живший на пособие своей больной матери, которую сам же и разорил. Когда он горячился, то начинал кашлять и кашлял напролет всю ночь.

Священник заходил дважды в неделю. На верхнем этаже у него был другой тяжелый больной, к тому же очень старый — Питер Мелакини, в прошлом музыкант. Он не был беден, но упорно желал умереть в той лачуге, которая была его домом. Неряшливая жена водопроводчика с первого этажа рассказала Мин Ли, что старый Питер находится под покровительством «Большой Шишки» из мира бутлегеров.

— Вы можете в это поверить, миссис Уэйт? Этот парень предлагал мистеру Мелакини роскошный дом на побережье и готов был всё оплатить! Но старик ни в какую. Нет, говорит, останусь здесь, в городе, где родился. Сумасшедший! Роскошный дом на берегу — и всё даром!

«Большая Шишка» время от времени наносил визиты. Гибкие, смуглые мужчины в отлично сшитых костюмах внезапно появлялись на улице. Глядя на них сквозь пыльные окна, вся улица приходила в приятное возбуждение. Гангстеры! Точно. Скажите на милость, ну и жизнь — палить в людей, а? Говорят, они зашибают по сотне баксов в неделю. Да-да!

Затем в улицу влетал темный автомобиль, и из него выходили трое. Один первым заходил в дом, затем сам Босс, а следом — замыкающий. Он поднимался напрямик в комнату Мелакини, забирая корзину с фруктами из рук своего подручного.

— Привет, Питер. Вот, притащил тебе «полный набор», старина.

Когда-то они вместе играли в оркестре у Космолино. Тони Перелли любил старика. Оба они были сицилийцами, оба из одной деревни под Палермо.

Мин Ли встретила «Большую Шишку» на лестнице. Он был невысок, но держался с заметным достоинством. Лицо его было мясистым, а в темных глазах плясала искра лукавого юмора. Он был по-тяжелому красив и безупречно одет. Его талию украшал ремень с пряжкой, усыпанной бриллиантами. Он улыбнулся Мин Ли, и она ответила ему сдержанной полуулыбкой. Оглянувшись через плечо, когда они разошлись, она заметила, что он тоже повернул голову, словно желая еще раз взглянуть на неё.

Они снова встретились почти на том же месте; на этот раз он остановился и заговорил с ней. Он был очень вежлив, очень добр, смотрел на жизнь под забавным углом и заставлял её смеяться. Он не позволял себе грубых комплиментов и не пытался коснуться её руки.

На следующий день в комнату больного прислали цветы и фрукты. На ярлыке фруктовой лавки размашистым почерком было выведено: «От Тони Перелли».

— Большая Шишка — батюшки, ну и силища! — шептала жена водопроводчика. — У него шикарнейшая квартира в Чикаго. Машины, загородный дом и всё такое. Один из «королей выпивки», а список жертв на его совести длиннее, чем Мичиган-авеню, да-да, миссис!

Мин Ли снова не выказала шока. Люди творят странные вещи. В каком-то смысле бутлегерство было делом куда более достойным, чем специфическое искусство Джона Уэйта. Впрочем, она никогда не занималась сравнениями. В третий раз она увидела Тони Перелли, когда он зашел к ним. Уэйт спал, и она с некоторой тревогой впустила гостя в крошечную гостиную.

— Спит? Отлично! Я виделся с врачом. Он сказал, вашему мужу нужно на побережье. И старому безумцу Питеру тоже следовало бы — но черта с два он поедет! Послушайте, миссис Уэйт, если дело в деньгах...

Она покачала головой: — Нет, мистер Перелли. Он не может взять деньги, потому что не сможет с честью их вернуть.

Она очень часто употребляла слово «честь».

Джон Уэйт умер неделю спустя — умер очень тихо и незаметно. Когда она похоронила его, объяснила властям, почему ее фамилия на самом деле не Уэйт, расплатилась с его текущими долгами и написала его матери, она принялась за поиски работы. Это должно было быть легко для обладательницы диплома Колумбийского университета, которая однажды заработала целых двадцать семь долларов и пятьдесят центов за неделю, рисуя эскизы платьев для дамского журнала, который не видела ни одна дама; но она выбрала путь попроще. Одному китайскому ресторану требовались девушки. Она написала деловое прошение владельцу по имени Че-фу Сунг, но прежде чем пришел ответ, к ней явился Моз Лисон со своим предложением.

Старый итальянец тоже скончался, и его тело перевезли в дорогое похоронное бюро. В ту ночь, когда его должны были предать земле в Кармеле, Тони Перелли пришел, чтобы забрать вещи покойного, особенно семейные реликвии. Их должны были отправить обратно в Сицилию внуку и внучке.

Никто не видел Перелли, так как он пришел пешком в окружении телохранителей, шедших впереди, сбоку и сзади. Он стремительно вошел в дом и, поднимаясь, бросил мимолетный взгляд на дверь Мин Ли.

В доме сегодня было шумно. На втором этаже поляк Ласки, мечтавший стать чемпионом мира по игре на малом барабане, извлекал из своего инструмента оглушительные и вычурные звуки к вящему неудовольствию и гневу всех жильцов. Кое-кто поговаривал, что его барабан и убил Джона Уэйта; возможно, он просто сделал смерть приятной альтернативой.

Если бы Перелли мог видеть девушку, стоявшую с белым, осунувшимся лицом в тисках Моза Лисона...

Моз по натуре был пещерным человеком. Опыт укрепил его в вере в то, что женщин нужно брать штурмом.

— Детка, можешь ловить меня на слове. Я устрою тебе шикарную жизнь. Отвечаю! Я по тебе с ума схожу...

Она сопротивлялась; ей приходилось сопротивляться. Тони Перелли услышал тонкий вскрик, когда спускался по лестнице, и толкнул дверь. Она поддалась, и он вошел.

— Чего тебе надо, макаронник?

Моз был в бешенстве; его неприятное лицо конвульсивно дергалось, когда он сунулся к самому лицу Перелли.

— Проваливай!

Голос Тони Перелли был металлическим и бесстрастным.

— Проваливать, да? Конечно, я свалю — но не из-за какого-то паршивого сицилийца!

Его кулак метнулся вперед, но не задел Перелли. Жильцы в других квартирах слышали лишь звук, похожий на более громкий и неритмичный удар барабана. Тони держал дымящийся пистолет на уровне пояса, но второго выстрела не потребовалось. Моз получил свое. Секунду он держался за спинку кровати, затем сполз на пол.

Мин Ли серьезно перевела взгляд с убитого на убийцу.

— Бери пальто и уходим.

Приказы Перелли невозможно было спутать с просьбами. Она подчинилась, вышла с ним на улицу и села в ждавшую машину. Люди, которых он оставил в доме, должным образом разберутся с Мозом Лисоном. Шума не будет; ситуация была далеко не уникальной и должна была развиваться по обычному сценарию. Позже водитель найдет тело, лежащее в снегу в прерии; газеты напишут: «Очередная гангстерская разборка» — и на этом всё закончится.

Тем временем Мин Ли переехала в дом Тони и привыкла к тому, что к ней обращаются как к «миссис Перелли».

Глава 2

С широкого балкона с его венецианской балюстрадой Тони Перелли мог взирать на город, которым ему суждено было править. Он обожал Чикаго — каждый его камень.

Чикаго был его домом и его королевством. Бесконечные вереницы машин, сновавшие по широкому авеню под его окнами, везли на ежедневную работу его подданных — подданных и одновременно партнеров. Под каждой из этих блестящих крыш сидел мужчина или женщина, хранившие в своих подвалах «всё самое лучшее». Гости, пришедшие на ужин, видели это «лучшее» на столе — в бутылках с золоченым горлышком, в искрящихся графинах.

Закон запрещал производить или продавать это «лучшее»; за каждым скрытно пронесенным ящиком или бочонком, припрятанным в подвале, стояло беззаконие. Каждый покупатель спонсировал контрабандиста, который поставлял товар, и гангстера, который его охранял. Но чтобы не лишать себя удовольствия выставлять «лучшее» на стол, люди молчаливо соглашались с тем, что любого, кто помешает доставке, следует пристрелить и выбросить из мчащейся машины на обочину. Они пришли бы в ужас от подобного предположения, но именно они оплачивали патроны, стиравшие этих досадных личностей с лица земли, и бессознательно подписывались на цветы для их похорон.

Перелли вернулся в великолепную залу, которая служила одновременно столовой, гостиной и приемной. Высокомерные критики, видевшие её, сравнивали залу с вестибюлем роскошного кинотеатра. Они называли её вульгарной, кричащей и безвкусной. На самом же деле она была точной копией самой красивой комнаты во Дворце дождей.

Кики, его слуга-японец, принес кофе. Мин Ли, повинувшись распорядку, который он установил и который позже собирался смягчить, не должна была показываться до полудня. Анджело недавно снял квартиру в фешенебельном районе и тоже должен был появиться позже.

Тони взглянул на часы. Восемь утра. Не слишком рано для визитера. Он услышал приглушенное жужжание сигнального звонка и точно знал, кто это.

Рыжий Галлоуэй никогда не чувствовал себя уютно в такой обстановке; сегодня же он чувствовал себя еще хуже, потому что пришел с обидой, но ему было трудно поддерживать в себе тот ночной ял, до которого он сам себя довел.

— Садись, Рыжий. Рассказывай, что там творится в Вест-Сайде, а? Рыжий сглотнул. — Меня больше колышет, что творится в самом Чикаго, — хрипло проговорил он. — Я должен кое-что прояснить, Перелли. Если не проясню — я тут такое устрою, понял?

Перелли с любопытством разглядывал его из-под длинных ресниц. С таким же выражением лица он мог бы рассматривать какую-нибудь диковинную зверушку. — «Устрою»? Смешно! Ты меня смешишь! Устроит он... Ну что ж? Устраивай!

Рыжий заерзал на стуле. — Тот парень, Лисон... Моз Лисон. Мы с ним были друзьями, Перелли. Кто-то его шлепнул. Слушай, я бы очень хотел встретиться с этим типом.

Антонио Перелли улыбнулся. — Его шлепнул я, — просто сказал он.

Повисла неловкая тишина. — Ну? Лицо Рыжего комично перекосилось. — Слушай... так не поступают с нормальными ребятами... он был моим другом... мы с Мозом были как братья. — Тогда тебе следует носить траур, — спокойно заметил Перелли, — раз твой брат мертв. — За что? — с трудом выдавил Рыжий. Ответа не последовало. — Слушай, в чем прикол? Моз был правильным парнем. Он был мне полезен. Рыжий чувствовал, что просто обязан выразить протест. — Я решил, что так надо.

Тони Перелли примостился на деревянной скамье перед органом, стоявшим в углу комнаты. Он взял чашку кофе и задумчиво отхлебнул. — Да, я решил, что так надо. Полагаю, когда мне чего-то хочется, я просто это делаю.

Рыжий облизал сухие губы. Внутри него поочередно сменяли друг друга дрожь и ярость. — Ну, по-моему, ты поступил со мной не по-людски, Перелли, вот и всё.

Тони кивнул. — Ага! Сочувствую. Это вполне понятно. Ты был в больнице? Нет? Там лежит твой приятель — Антропос-Грек. Ему очень не по себе. Кто-то отделал его вчера вечером. Спросишь — за что? Вижу, не спрашиваешь. Его отделали за то, что он продал кокаин одному из моих парней. Ну? Это хорошая новость или плохая?

Рыжий не ответил. — Они не будут пить лишку, не будут нюхать кокс и делать вещи, от которых голова идет кругом, а руки — вот так!

Он артистично вытянул руку, и та мелко задрожала. — Ну, я-то могу за собой присмотреть... — начал было Рыжий. — Конечно, можешь. И кому какое дело, если не сможешь? Но тебе платят не за то, чтобы ты смотрел за собой. Тебе платят за то, чтобы ты смотрел за мной и моими парнями. Если твоя рука дрожит, а в башке всё плывет — это плохо. Если ты болтаешь по пьяни — это еще хуже. Но хуже всего вот что: торчок сольет секреты друзей за очередную дозу. Так что на этом всё. — Послушай... — Это всё. Либо завязывай с «белым порошком», либо уматывай.

Рыжий поднялся на ноги. — Идет. Я ухожу! Снова эта быстрая, хитрая улыбка. — Конечно. Уходи!

Туповатый во многих отношениях, Рыжий всё же уловил угрозу в этом последнем слове и сник. — Слушай, Тони. Я парень, который не любит, когда его шпыняют... я не ребенок, и ты об этом не забывай! Если два мужика не могут договориться, им лучше разойтись. Вот и всё.

Тони кивнул. — Вот и всё, — повторил он.

И Рыжий ушел. В его голове уже роились планы, ведь теперь он знал определенные тонкости бутлегерского бизнеса, о которых раньше не догадывался и не узнал бы никогда, если бы не наставления Тони Перелли. Он отыскал одного из членов банды, к которому питал симпатию, и за обедом у Беллини излил ему все свои обиды.

Виктор Винсетти был хорошо одетым молодым человеком с беспокойным взглядом; казалось, он вечно ожидает увидеть кого-то у себя за спиной. Свои мысли он высказывал редко, зато был отличным и внимательным слушателем. И он слушал.

Он узнал о ссоре Рыжего, о Мозе и о том, как легко было бы организовать отдельный «рэкёт»: переправлять выпивку через границу, разбавлять её и находить сбыт. И как, имея пару крепких парней для «убеждения» владельцев подпольных баров, можно сколотить состояние в смехотворно короткие сроки. Винсетти слушал с интересом, потому что и сам был того же мнения. Более того, у него уже имелись собственные планы.

— Так что видишь, Вик, — подытожил наконец Рыжий. — Вижу-то вижу, но это не так просто, Рыжий. И вообще, ты дурак, раз несешь такое. — Моз был честным малым... — Моз был никем, а теперь его и вовсе нет, — спокойно отрезал Винсетти. — Он сдох, и это небольшая потеря для Соединенных Штатов или дела Чистого Правительства. Он был просто голосом в бюллетене. На следующих выборах проголосуешь дважды — вот он и «оживет». Нет. Интересно, что об этом думает Перелли?

Он размышлял об этом, пока Рыжий с любопытством его разглядывал. Ведь Винсетти и сам был почти «Большой Шишкой», по слухам — очень богатым. И слухи не врал. Винсетти был «выходцем». Он собирался опровергнуть традицию, гласящую, что если ты «в деле», то выйти из него уже не сможешь. У него была забронирована каюта на лайнере «Императрица Австралии» — он планировал уехать через Канаду. Его акции были распроданы и превращены в наличность. Он уже договорился о покупке виллы на берегу моря в Сан-Ремо. Откровенность Рыжего его немного пугала — особенно здесь, у Беллини, где каждый второй официант был шпионом.

Этой же ночью он увиделся с Перелли. — Рыжий в ярости, — сказал он. — И он болтает. Присел мне на уши у Беллини, вывалил целое корыто нытья. — Я не хочу никаких неприятностей, — ответил Тони Перелли. Это было одновременно его девизом и его алиби.

Но Рыжий, будучи «под кайфом», так и нарывался на крупные неприятности. Гениальные идеи так и перли из него. Через посредника он попытался выйти на Майка Фини, «барона» Саут-Сайда. Но дошел только до Шона О’Доннелла, который по должности был начальником штаба Майка, а по жизни — его зятем.

На самом деле именно Шон был настоящим лидером, мозгом всей конторы. («Это самое худшее, что когда-либо говорили о банде Майка Фини», — скажет Перелли позже). Шон был маленьким, худым, раздражительным, слишком скорым на расправу для одних и слишком грубым на язык для других. Он холодно выслушал предложения Рыжего и не обнадежил его.

— Рыжий, от тебя нет никакого толка ни нам, ни кому-либо еще, — сказал он с грубой откровенностью. — Ты торчок и алкаш. Говорю тебе как есть, парень. В нашей конторе нет места тем, кто нюхает. Перелли, конечно, тот еще гад, но нам не нужны с ним терки. Если влезешь на его территорию, мы поможем тебе только «лучшим товаром» для похорон. — Моз... — начал было Рыжий. — Моз пусть гниет в аду, там ему и место, — отрезал Шон.

На следующий день ничего особенного не произошло. Пыл Рыжего Галлоуэя поостыл, и в сумерках зимнего дня он прокрался в полицейское управление, требуя встречи с шефом Келли. Он хотел подать жалобу на полицейского. Заявил он об этом очень громко, так как управление находилось в районе Перелли, и внутри, и снаружи было полно внимательных глаз и ушей.

Никто, кроме Рыжего, не поперся бы в само управление; обычно звонили по телефону и договаривались о тайной встрече. Но Рыжий, который под дозой терял всякую осторожность, пошел напролом. Спустя четверть часа после прибытия он уже беседовал с мрачным шефом детективов.

Сам Рыжий считал, что говорит очень хитро и не называет имен. Единственное, в чем он был уверен, — это в том, что его жизнь в опасности. Послушав его недолго, мистер Келли убедился в этом еще больше, чем сам Рыжий.

Рыжий не был умным и не особо заботился о прикрытии. На самом деле он не диктовал имена по буквам и не ставил точки над «i». Он не рассказал Келли ничего такого, чего тот бы не знал. Шеф по горькому опыту понимал: если он задержит этого человека как свидетеля и вызовет в суд, тот откажется от каждого своего слова. А если он подпишет письменные показания, то позже будет с пеной у рта доказывать, что их вытянули хитростью, издевательствами, угрозами или пока он был в отключке от побоев.

Шеф прекрасно знал, как и почему умер Моз. Он знал имена людей, которые вывезли тело, и номер машины, которую они использовали. Последнее было проще всего: машину, оказавшуюся краденой, нашли брошенной.

Рыжий готов был болтать всю ночь, но шеф был занят и терпеть не мог односторонние разговоры, не дающие ничего нового. — Хочешь, чтобы я запер тебя здесь для безопасности? — спросил он. Рыжий возмутился. — Что? Меня? Я и сам за собой присмотрю. Нет уж, сэр! Завтра я сваливаю из Чикаго. С меня хватит. У меня есть друзья на востоке, они подкинут мне столько денег, сколько захочу.

В состоянии опьянения у Рыжего наступала стадия, когда у него внезапно появлялись богатые покровители; сейчас была как раз она.

Он вышел на улицу, имея трех «хвостов» за спиной. Двое из них были офицерами полиции. — Не выпускайте эту птицу из виду, — приказал шеф.

Не успел он пройти и квартала, как к нему пристроились двое мужчин, по одному с каждой стороны. — Эй, вы чего... — начал было Рыжий, когда они ласково взяли его под

руки. — Пикнешь — сдохнешь, — приятно заметил один из них. Он ткнул курносый «пуш-качом» (револьвером) прямо в бок пленнику. — Шагай давай, урод!

Детективы, шедшие следом, были новичками в этом деле. Они решили, что это просто подошли близкие друзья их подопечного. И когда вся троица поравнялась с ждавшей машиной и села в нее (Рыжий спереди рядом с водителем, а его спутники сзади), копы лишь начали оглядываться в поисках такси. Прежде чем они успели что-то поймать, машина рванула с места и скрылась из виду.

Рыжий не до конца понимал, что происходит. Алкоголика еще можно протрезвить, но того, кто накачан наркотой, вернуть в реальность не так-то просто. Единственное, в чем он был абсолютно уверен: человек, сидящий прямо за ним, упирает что-то твердое ему в затылок и при этом мило болтает с водителем. Они обсуждали бейсбол и горячо спорили, побьет ли Южная Калифорния команду Нотр-Дама...

...или наоборот. Водитель был горой за Нотр-Дам: он приводил доводы в пользу их победы, сыпал длинными списками прошлых триумфов и достижений и предложил поставить сотню долларов на своих фаворитов. Человек, сидевший прямо за ним, мгновенно принял пари.

— Я тоже за Нотр-Дам, — подал голос Рыжий. — А ты закрой пасть, — бросил водитель, — и не открывай. Удивительно, как у тебя еще горло не пересохло после того, как ты столько времени заливал копам. — Я заливал? — возмущенно запротестовал Рыжий. Дуло пистолета больно ткнуло его в затылок. — Заткнись.

Город остался позади; по обе стороны дороги тянулись унылые просторы, лишь изредка мелькали дома. Вскоре они поравнялись с небольшой рощей ухабистой дороги. Водитель притормозил. — Выходи, — скомандовал он. Рыжий подчинился.

Действие наркотика прошло. Его трясло с головы до ног. — Эй, ребят, что за приколы? — задрожал он. — Я ничего не разбалтывал. Отвезите меня обратно к Тони...

Держимый под руки с двух сторон, он поплелся по неровной земле мимо первых деревьев на опушке. — Вы же не собираетесь меня шлепать, а? — его голос перешел в тонкое нытье. — Послушайте — я ничего не сделал.

Человек позади него взвел курок револьвера и выстрелил. Рыжий рухнул на колени, покачнулся. Он не услышал ни первого, ни второго выстрела. Палач убрал оружие в карман и прикурнул сигарету. Пламя спички в его руках даже не дрогнуло. — Погнали, — бросил он.

Он занял место, на котором сидел Рыжий, и на полпути к городу спор о Южной Калифорнии против Нотр-Дама возобновился.

Водитель заметил патрульную машину; сквозь рев собственного двигателя он услышал завывание сирены. Он резко крутанул руль и вдавил педаль газа в пол. — Доставай «пишущую машинку» — она под сиденьем.

Второй мужчина перелез назад. Они откинули задний клапан тента и высунули дуло пулемета. — Легавые, должно быть, связались с Келли по рации, — заметил палач, который видел «хвосты», следовавшие за Рыжим. Полицейская машина приближалась. — Дай им прикурить, — скомандовал он, и пулеметчик нажал на спуск.

Ра-та-та-та-та-та-та!

Лобовое стекло преследователей разлетелось вдребезги. Машина слегка вильнула, но выровнялась. В ответ вырвались три огненных росчерка. Пулемет заговорил снова. Водитель задней машины резко вильнул, и очередь прошла мимо. — Черт! — выругался человек с пулеметом. Он снова положил ствол на задний борт, придержал его рукой... и вдруг плавно сполз на пол.

Пулемет мгновение балансировал на краю, а затем вывалился на дорогу. Раздался громкий хлопок: полицейская машина наехала на оружие, и одну из шин разорвало в клочья. Убийца оглянулся через клапан. — Спеклись, — констатировал он. — Жми, Джо.

Он достал из кармана маленький фонарик и посветил на фигуру, скорчившуюся на полу. Посреди лба зияла большая, красная, уродливая дыра. Мужчина перебрался обратно на переднее сиденье к водителю. — Твоя ставка не сыграет, — сказал он. — Билли готов.

Всю дорогу до города они толковали о предстоящем матче, а безжизненное тело позади них перекачивалось и подпрыгивало на каждом повороте.

Винсетти не был обычным гангстером и не занимал рядовую должность. В течение двух лет он был своего рода обходительным послом, полномочным представителем, путешествующим от побережья до побережья, посредником, который раз за разом пересекал озера по пути в Канаду. Временами он выступал как переговорщик высокого уровня и улаживал разногласия, грозившие перерасти в кровавую баню, если бы главарь банд сдержали свои обещания. Это был симпатичный молодой человек с репутацией дамского угодника, питавший иллюзию собственной неуязвимости. И для этого были определенные основания.

Но он совершил ошибку, обручившись в Канаде с барышней, которая не пожелала смиренно принять их окончательный разрыв. Однажды, когда Винсетти отправился в Торонто уладить поставку виски, судебный курьер всучил ему повестку. На него подали в суд за нарушение обещания жениться — и не только за это. У Винсетти не было широких познаний в международном праве. Он считал, что это дело можно «разрулить», и нашел «решалу» — сомнительного адвоката, который взял гонорар, сделал одну вялую попытку добиться отзыва иска, а потерпев неудачу, и вовсе забыл о деле. В результате Винсетти присудили к выплате огромной компенсации, а во время следующего визита в Торонто он был арестован. Ему пришлось заплатить, но это было не самым страшным: он перестал быть закупочным агентом и лишился значительной части своего дохода.

— Я не хочу никаких неприятностей, — сказал Тони Перелли, когда этот вопрос был поднят. — Ты в немилости у этих канадцев. Мне не нужны люди, на которых на улице пальцем тычут. — Не вижу, как это касается тебя, — ответил Винсетти, закипая внутри. Тони погладил свои маленькие усики и принялся изучать узор на шелковом ковре. — Может, и не касается, — произнес он. — А может, та девчонка не пела перед судьей, что ты в виски-рэжете и зашибаешь миллион? Может, она не говорила, что ты работаешь с Антонио Перелли? Это плохо. Он покачал головой. — Поезжай-ка на восток, Виктор mio. Там полно дел, полно денег и полно веселья. Я не злюсь — это просто неудачный расклад, но я не злюсь. Он мягко похлопал Винсетти по плечу.

Вечером, оставшись наедине с Мин Ли, он открыл ей душу. Он сидел рядом с ней на шелковом диване в своей огромной зале; золоченые ворота были распахнуты настежь, и изысканно обставленные апартаменты купались в мягком сиянии янтарных ламп. — Этот парень слишком любит женщин, любовь-морковь и прочую чепуху. — Разве это чепуха? — спросила она, и он улыбнулся. — Для тебя, мой сладкий цветок персика, нет. Но где в целом мире найти еще одну такую, как ты, а?

Он опустил её маленькую руку ей на колени, прошелся к огромному органу в углу комнаты и играл без остановки целый час, а она слушала, замороженная. Он был прекрасным музыкантом, скрипачом незаурядных способностей, но орган был его страстью. Он мог сидеть часами, импровизируя и вплетая в игру обрывки итальянских опер, которые помнил. Итальянская опера была для Тони Перелли началом и концом всего искусства. Он терпеть не мог джаз, хотя танцевал на редкость хорошо.

Целый час Мин Ли присидела в своем новом атласном халате, скрестив ноги, как маленький Будда, кротко сложив руки и склонив голову. Когда Тони вернулся к ней и развалился на диване рядом, он снова заговорил о Винсетти. — Этот мальчик слишком умен, и всё же он очень полезен. Это был неудачный расклад, но у каждого бывают осечки. Может, он и «желтый» — не знаю. Виктор живет слишком мягко, а это выбивает из человека дьявола. Но он не пьет, не болтает лишнего и умеет втираться в доверие к шишкам.

Промак Виктора был забыт несколько дней спустя, когда он договорился с шефом Келли об освобождении человека, которого удерживали — как выяснилось, несправедливо — за нарушение «закона Манна». Этот человек был крайне нужен Тони, и его освобождение стало своего рода триумфом для его помощника.

— Надо было мне придержать этого типа, — ворчал шеф детективов Келли, обсуждая дело с Харриганом. — В нашем деле не обойтись без уступок, шеф, — заметил Харриган. — По-моему, Перелли добился его выпуска, потому что боялся, как бы мы не пришили ему еще одно дельце. Кстати, сегодня утром нашли Рыжего Галлоуэя — пуля в затылок. Келли кивнул. — К этому всё и шло. Громкоговоритель, а не человек. Рано или поздно он бы взорвался и всё выдал. Это пустая трата времени, но вы могли бы заскочить к Перелли. — Он раздраженно почесал подбородок. — Хотя нет, пожалуй, я сам его навещу. — У него в квартире новая дама. — Знаю — Мин Ли. Миссис Уэйт, или как её там. Если среди воров и есть честь, то вся она у Перелли. У него самая сплоченная банда головорезов в городе. Ни разу никто из его постоянных ребят не раскололся. Харриган как-то странно посмотрел на него. — Есть один, который рано или поздно придет к нам, — вполголоса произнес он. Келли выпятил губы. — Винсетти? Неужели? Если появится хоть малейший шанс, Перелли узнает об этом первым. А если Перелли узнает первым... Он усмехнулся. Харриган откусил кончик сигары и прикурил. — Он никогда не даст официальных показаний в суде — никто из них не даст. Но душонка у него «медная», он сольет нам кучу информации, которая пригодится для досье. Келли снова покачал головой и повторил: — Неужели? Вы часто видите Винсетти? — спросил он. — Стоило бы прояснить ему один момент. Перелли знает, что он хочет выйти из дела, а «делать ноги» от Перелли — занятие крайне вредное для здоровья. Возможно, если он это поймет, то пойдет нам навстречу. Мы обеспечим ему защиту — посадим прямо на пароход. В любом случае, банда не посмеет ничего затеять в Канаде — там законы еще работают.

Следующие два дня Харриган пытался подстроить «случайную» встречу с Виктором Винсетти, но потерпел неудачу по одной веской причине: Винсетти увидел Мин Ли и потерял голову.

Для Мин Ли одни вещи были делом чести, другие — бесчестьем. Обманывать своего мужчину было бесчестно; предать всех ради него — почетно. О визитах Винсетти докладывалось всё: что он говорил, что делал и что предлагал. В глубине души Перелли льстило внимание, которое она вызывала. Он приходил в экстаз от её преданности, ведь она рассказывала ему всё просто, как о будничных делах — без хвастовства, без кокетства и не для того, чтобы вызвать в нем приятную ревность.

Винсетти говорил о многом: о любви, о преданности, о роскошной жизни в Европе. Но он упоминал и вещи, задевавшие достоинство Антонио Перелли. Например, о тех «заведениях» в Сисеро — она никогда раньше о них не слышала, но даже теперь не была шокирована. Если бы она пошла работать в ресторан Че-фу Сунга, где танцуют китайские девушки — что ж, между Сисеро и прокуренной атмосферой ресторана «Звезды Небесные» разница была невелика. Нет, она не была шокирована; скорее слегка озадачена и самую малость уязвлена, ведь этот человек внезапно стал для нее почти богом.

Тони же был и шокирован, и обижен. Когда на следующий день он встретил Винсетти, его манера общения была сухой. В конце деловой беседы он обронил: — Когда Мин Ли захочет тебя увидеть, Виктор, она сама тебе позвонит. Ты отличный парень, но слишком много болтаешь... О нет, не о любви, а о Сисеро, а? Ты произвел фурор — но только не на меня, Виктор.

Глядя в его глаза, Винсетти увидел «красный свет», хотя сами глаза светились добротой и юмором, а толстые губы Тони Перелли растянулись в ухмылке.

Но «красный свет» уже зажегся; Винсетти почувствовал его.

С Тони Перелли можно было поссориться, можно было довести его до иступления, но если предмет раздора не касался основ жизни, то, как только буря утихала, всё возвращалось

на круги своя. Твой проступок и его гнев были прощены и забыты. Внутри определенного «загона» ссора могла превратиться в настоящую битву без особых последствий, но за этой чертой была смерть — быстрая, беспощадная и... целесообразная.

Целесообразность диктовала каждое движение, каждое действие, каждую мысль. Стоило кому-то заступить за линию безопасности, открыть или хотя бы попытаться открыть хоть одну дверь цитадели, и он исчезал во тьме. Пока что ссора Тони Перелли с ним носила чисто домашний характер. Было задето его достоинство; он был принижен в глазах своей женщины. За такое он не стал бы уничтожать человека. И всё же Винсетти увидел «красный свет» и стал холодным, осторожным и бдительным. У него был ум дипломата, а самое мощное оружие в арсенале дипломата — это внушить противнику те мысли о себе, которые наиболее льстят его самолюбию.

Поэтому Винсетти дулся, скорее изображая из себя виноватого любовника, чем вероломного соратника, и через некоторое время показалось, что ситуация нормализовалась. Но не для Винсетти. Возможно, он слишком много видел; во всяком случае, он определенно воображал больше, чем было полезно для его душевного спокойствия.

Тони был необычайно щедр. В нем было что-то от кошки; он предпочитал бить внезапно и без предупреждения. На этот раз он предупредил. Когда Винсетти в следующий раз заглянул в апартаменты, Перелли внес предложение:

— В этом году у тебя не будет отпуска, Виктор, — сказал он. — Я бы на твоём месте продал бронь на «Императрицу Австралии» — зачем зря тратить деньги?

Только это и ничего больше. Ни обвинений, ни упреков, ни холодного бешенства из-за этого непростительного поступка. Ведь человек, который «делает ноги» из банды, становится изгоем; и если его поймают после побега, его ждут всевозможные беды. Через странным образом активизировавшуюся полицию рассылаются уведомления, что этот человек — преступник; порты других стран закрываются для него; он может сойти на берег только для того, чтобы быть арестованным и, возможно, депортированным. А депортированный, как он знал, вернется напрямик под пули.

У Перелли была система шпионажа, доведенная до совершенства. У него были свои клерки в банках, которые снабжали его сведениями о его собственных людях. Он до цента знал их счета, и ему немедленно докладывали о любом переводе денег или акций в другую страну; особенно он следил за чеками, выписанными на имя турагентств или пароходных компаний.

Винсетти был одним из немногих, кто держал счет в банке. Как правило, гангстеры не доверяют банкам, предпочитая сейфовые ячейки. Поэтому Тони мог следить за самыми интимными сторонами жизни Виктора Винсетти. Он знал всё об аккредитиве, который тот купил в банке. Главным же его проступком было то нападение в Сисеро. Кто-то навел Майка и его друзей, и последствия были закономерны. О предстоящем визите знали всего трое — уж точно не поставщик из Канады, который и понятия не имел, что его выгодным клиентом является Тони Перелли.

Анджело соглашался, что с Винсетти выходит большая жалость, ведь он был толковым парнем и ценным кадром; всегда нужны люди, умеющие хорошо одеваться, чтобы иметь дело с теми честными и респектабельными мерзавцами, которые поставляют сырьё для бизнеса мистера Перелли. В качестве связного между группировками он был непревзойден. Винсетти мог зайти на любую территорию и уйти оттуда, не почуяв даже запаха пороха. Он был *persona grata* для Поляка Джо, Майка Фини и многих других членов различных организаций. Он был скрытен, на него можно было положиться, он всегда держал слово — в представлении гангстеров он был «честным малым». Это была, как говаривал Анджело Верона, большая жалость.

События двигались в одном неизбежном направлении. Деятельность Перелли была многогранной; он запускал руку в самые разные дела — и законные, и явно преступные. Он строго держался в стороне от обычного криминалитета. Он не финансировал и не получал прибыли

от вульгарных грабежей, с насилием или без. Деньги людей, ставших жертвами его мести или подозрений, неизменно находили нетронутыми. Порой в карманах убитых, брошенных у дороги, обнаруживали огромные суммы. Он держал слово перед продавцом и покупателем; его слово было законом, и он даже обижался, когда спиртное, которое он поставлял, отправляли на экспертизу. Его зарплатная ведомость была огромной, а оборот — колоссальным. Хотя он содержал небольшой штат бухгалтеров и клерков, все детали своих сделок он удерживал в голове.

Главным же его даром было шестое чувство, предупреждавшее об опасности. Когда этот сигнал тревоги звучал в его сознании, он не принимал оправданий, а слепо повиновался предупреждению. Обычно причина, которую он называл для какого-то стремительного акта возмездия, не была истинной причиной. Рыжий был убит якобы за визит в полицейский участок. Но он умер не из-за сиюминутной, а из-за будущей опасности.

Глава 3

Если Перелли карал беспощадно, то его награды граничили с расточительностью. Он потратил пятьдесят тысяч долларов на обстановку новой квартиры Анджело; незадачливого новичка, который спас ему жизнь, он отправил обратно на Сицилию богачом — парень был слишком неуклюж, чтобы держать его в качестве стрелка, но слишком храбр, чтобы просто выставить вон.

Винсетти? Перелли много думал о Винсетти. Тот стал независим, растерял прежний энтузиазм и затаил обиду. У Винсетти было чуткое восприятие, и он в полной мере улавливал диссонансы в мыслях Перелли. Через одного агента он написал письмо об отмене брони на «Императрице Австралии», а через другого — забронировал то же место на другое имя. Именно этого Тони Перелли от него и ожидал.

Очарование Мин Ли не проходило: Виктор Винсетти посылал ей цветы, писал записки — очень умные записки, даже поэтичные. Тони читал их с улыбкой.

— Виктор — мастер слова. Пригласи его снова, Мин Ли... Конечно, я не против! Мне это даже нравится... он отличный малый и очень забавный.

И Мин Ли писала своим аккуратным школьным почерком, и Винсетти приходил пить с ней чай. Иногда Тони присутствовал при этом, но чаще — нет.

Очень скоро в Викторе Винсетти могла возникнуть острая нужда. Он блистал в роли арбитра. Две крупные банды начали прощупывать нейтральную полосу, заходя на территорию друг друга.

Группировка Фини снабжала крепким спиртным и пивом изрядное количество злчных мест на северной стороне. Майк владел парой пивоварен и был миллионером. На этом поле боя существовала своего рода «ничейная земля», где обе банды работали бок о бок. Владельцы заведений могли спокойно покупать товар у любой стороны. Тактика «бери наше или никакого» до поры до времени никем не применялась. Но внезапно Майк сменил курс: объявил территорию своей исключительной собственностью и разослал обычные предупреждения, за которыми последовали обычные расправы. Заведение одного из верных клиентов Перелли было разгромлено, а сам владелец избит. Он поспешил к Анджело с рассказом о грабеже, а Анджело доложил боссу.

— Пусть Виктор повидается с этим «миком», — распорядился Перелли. — Кто его отделал?

Ему ответили, что это был Хеннесси по кличке «Мертвецкая» — печально известный громила, действовавший со своей личной шайкой. Он был «субподрядчиком по насилию», которого часто нанимал Шон О’Доннелл, когда ирландец не хотел светиться сам или не считал нужным отвлекать людей из личной охраны.

— Пропишите Хеннесси «высшую меру», — сказал Перелли, — но пусть Виктор всё же увидится с Фини или О’Доннеллом.

Виктор отправился в отель неподалеку от Норт-Стейт и переговорил с раздражительным маленьким ирландцем. Шон О’Доннелл не внял голосу разума; он вел себя агрессивно и сыпал туманными угрозами. Винсетти в своем лучшем дипломатическом стиле пытался найти *modus vivendi*, но Шон, который никогда не слышал этого выражения (а если бы и слышал, то не одобрил бы), был непреклонен.

— Слушай, Вик, эта территория всегда была нашей, и так мистеру Перелли и передай. Мы терпели его наезды, но теперь, когда поляки нас прижали, нам приходится закручивать гайки. Ты славный малый, Вик, и мы с Майком в лепешку бы разбились, чтобы тебе угодить, но уговор дороже денег.

Переговоры продолжались, и в ходе их Шон как бы невзначай заметил:

— Удивляюсь я, что такой парень, как ты, околачивается в конторе Перелли. Мы с Майком были бы рады видеть тебя в нашей организации. Я всё знаю! — добавил он, когда Винсетти попытался возразить. — Вы все до смерти напуганы этим Перелли, но что, если бы нам шепнули адресок, где его можно найти, а? Этот тип обращается с людьми как с собаками.

Искушение было грубым, но Виктор задумался. А тем временем Хеннесси-Мертвецкая получил свое.

К дверям его домика подъехала машина, и кто-то позвонил в звонок. Хеннесси открыл дверь и взгляделся в темноту...

Проезжавший неподалеку полицейский на мотоцикле услышал стрекот пулемета и рванул на звук. Мертвецкая Хеннесси сполз по балюстраде своего крыльца с двадцатью пулеметными пулями в организме.

Шон О'Доннелл принял этот факт философски. Смерть субподрядчика ничего не меняла в его жизни. Найдутся другие, которые возьмут дешевле. И всё же это был отличный повод для атаки на Перелли. Шон лично оплатил похороны Хеннесси и присутствовал на церемонии прощания. Перелли прислал венок; и власть его была такова, что люди, ненавидевшие его и знавшие, что именно он подстроил смерть человека, чью память почтили этими цветами, не посмели их выкинуть.

С Мин Ли он говорил совершенно откровенно; он хранил от неё меньше секретов, чем от любой другой женщины, когда-либо входившей в его жизнь и исчезавшей из неё.

— В этом рэкрете, детка, у компаса четыре стороны, и парень, который болтается где-то посередине между севером и западом, далеко на своих двоих не уйдёт. Виктор — мастер чесать языком, но он не переговорил Шона О'Доннелла, и вчера вечером разгромили ещё одно моё заведение. А Виктор всё твердит: «Не спеши!». Всё, что он говорит, это «Жди, жди», и клянусь богом, я сижу и жду, пока мой бизнес катится к черту!

У Виктора были свои причины советовать «ждать». Он встречался с Тони и докладывал о ходе переговоров, а «Большая Шишка» терпеливо слушал.

— Конечно, это всё замечательно! — говорил он. — Может, мне подождать, пока Шон О'Доннелл состарится и наберется ума, а? Лет так десять! Этот «мик» должен либо договориться, либо получить «высшую меру», Виктор — я так сказал! Слишком много болтовни — пусть скажет Рикардо.

Рикардо был его любимым пулеметчиком; человек, прошедший Великую войну, имевший три награды и двадцать убийств на своем счету.

— Я подожду еще немного — да, — сказал Перелли, — а потом...

Тем же днем он поехал в Сисеро и сидел в своем ресторане, потягивая кофе, когда мимо медленно проехали три машины и буквально изрешетили ресторан пулеметным огнем. Перелли распластался на полу среди осколков разбитого стекла и падающей штукатурки. Он решил, что больше ждать не может: нужно действовать, и действовать быстро.

Это нападение не было случайным: оно стало результатом тщательного планирования. Винсетти был одним из немногих, кто знал, что Тони собирается в Сисеро именно в этот день — Виктор фактически сам спланировал эту поездку, целью которой была встреча с канадским поставщиком.

Тони навел справки. Оказалось, что Майк Фини и Шон накануне вечером уехали в Нью-Йорк; их алиби было состряпано уж слишком искусно.

Вернувшись, Перелли встретился с Виктором и долго и многословно рассуждал о том, как чудом избежал смерти. Слишком легкомысленное отношение к делу было бы ошибкой. Винсетти мог насторожиться, а кто знает, на что способна крыса, загнанная в угол?

Тем не менее, Виктор был напуган. Он отправил срочное сообщение Келли и встретился с шефом, выдав ему крупную информацию, но пообещав большее. Затем Винсетти совершил

странный поступок — один из тех причудливых жестов, что были ему свойственны. Он зашел к своему адвокату и составил завещание, один из пунктов которого гласил:

«В случае моей насильственной смерти и при условии вынесения коронером вердикта об умышленном убийстве, я распоряжаюсь выделить из моего имущества сумму в сто тысяч долларов в качестве награды лицу, которое обеспечит поимку моего убийцы и приведение смертного приговора в исполнение».

После полудня он навестил Мин Ли. Она позвонила и пригласила его на чай по совету Тони.

— Ты можешь оставаться в своих покоях, дорогая, — сказал он ей, — потому что у меня много дел с Виктором.

Винсетти прибыл в 16:30. Через четверть часа пришел Келли. Такова была их предварительная договоренность. На самом деле детектив стоял у входа в здание уже через пять минут после того, как вошел Винсетти; он коротал время, наблюдая, как какие-то люди грузят мебель в фургон. Два больших кресла, диван, вешалка и стол были погружены и увезены в тот самый момент, когда Келли вошел в здание и направился к лифту.

Дверь ему открыл Анджело. — Виктор ушел, — сказал он. — Он заскочил всего на минуту — хотел повидать Мин Ли, шеф, но у неё разболелась голова. — Где Перелли?

Тони был на солнечном балконе, и его позвали. — Винсетти зашел сюда пятнадцать минут назад и никак не мог уйти незамеченным, — неприязненно заметил Келли. — Раз его здесь нет, значит, он ушел, — ответил Тони. — Здесь два выхода, шеф. Один с задней стороны квартала — Виктор обычно ходит там. — Я хочу обыскать квартиру.

Келли высказал свое недоверие прямо и грубо. — Конечно! — Тони Перелли расплылся в улыбке.

Винсетти исчез — как и куда, оставалось загадкой. Келли знал о черном ходе и поставил там своего человека, но Виктор Винсетти там не проходил. Спустя два дня его тело нашли в озере. Он был застрелен в упор, а в его кармане обнаружили восемьдесят промокших купюр, каждая достоинством в тысячу долларов.

Перелли притащили в полицейское управление и устроили ему допрос.

— Надеюсь, вы поймаете того типа, который уколошил беднягу Виктора, — сказал он. — Что-то больно много стало этих убийств.

Он присутствовал на похоронах, следуя за катафалком в бронированном автомобиле.

Винсетти был в некотором роде литератором. Он вел объемистый дневник, который, к разочарованию шефа Келли и к бесконечному облегчению по крайней мере одного человека, не содержал никакой жизненно важной информации. После поездки в Голливуд он оставил там такой примечательный комментарий:

«Жизнь гангстера лишена последовательности. Это серия коротких рассказов, написанных вокруг одного и того же похоронного бюро... Новые персонажи появляются на сцене и исчезают почти раньше, чем успевают заявить о себе... История преступного мира перемежается пулеметными очередями, и большинство знаков препинания в ней — это точки».

Дневник был написан на итальянском, и шеф Келли, читая перевод, обогатил свой кругозор, но не пополнил свои архивы.

Мин Ли видела преступный мир под своим собственным, особенным углом. Она встречала мужчин и женщин, которые приходили и уходили, а иногда появлялись снова. Женщины были хорошенькими, довольно громкоголосыми, дорого одетыми и увешанными драгоценностями. Они казались совершенно счастливыми в этой среде, которая, возможно, была шагом вперед по сравнению с той жизнью, которую они знали прежде.

Тони был добр к ней, гораздо добрее, чем Джон Уэйт. Он проявлял к ней внимание, приятную нежность и глубокое понимание.

Однажды к ним на ланч пришла девушка из Сисеро. Она вела себя с Перелли фамильярно, но эта фамильярность была сдобрена некоторой сдержанностью, которая могла означать как уважение, так и страх, а скорее всего — и то, и другое. Она была по-своему красива грубоватой красотой, носила соболиное палантин и изящные кольца. На протяжении всего ланча она беспрестанно пила, а её болтовня была для Мин Ли чем-то вроде китайской грамоты. Гостья явно знала это место: она оглядывала апартаменты с собственнической ухмылкой, оценила Мин Ли одним беглым, испытующим взглядом и в дальнейшем игнорировала её; разве что под конец трапезы она наклонилась, взяла руку Мин Ли и изучила массивное кольцо.

— Тебе стоит быть поосторожней с этой крошкой, — бросила она. — Огранка паршивая, камень так и норовит выскочить из оправы.

Подняв глаза, она поймала взгляд Тони и отбросила руку девушки, словно ту припекло огнем. Но Мин Ли не была душой. Эта женщина раньше носила это кольцо и своим грубым способом ставила новую владелицу в известность об этом важном факте.

Этот инцидент разрушил всякую сдержанность, которую мог сохранять Тони. Он принялся расспрашивать гостью о её собственных украшениях: откуда они взялись, сколько стоили. Это было неловко и для Мин Ли, и для той, кому адресовались вопросы. Судя по всему, они были подарены ей разными «мальчиками». Она назвала имя Винсетти.

— Потому что он мертв? — тихо спросил Перелли. — Назови-ка мне имена кого-нибудь из живых, кто дарил тебе эти побрякушки.

Она смутилась, то краснела, то бледнела, пыталась спасти положение смешком и остроумием, но Перелли насквозь видел всё её легкомыслие.

— Тебе стоит быть очень осторожной, Энид, — сказал он, и в его голосе прорезался металлический лязг. — У тебя хорошая работа, верно? А выручка в последнее время сильно падает.

Она в ответ заныла о «комитетах бдительности» и трудностях поиска нужных людей — ход, судя по всему, был тактически верным, так как Перелли сменил тему с резкостью, которая была бы оскорбительна для любой другой женщины.

Он не желал говорить о ней с Мин Ли. Когда гостья ушла, он лишь бросил: — Она никто — просто мусор. Когда-то она жила здесь, но стала слишком наглой, а над моей музыкой смеялась, потому что мозгов у неё нет — только мордашка да бойкий язык. Она мне наскучила. Я ненавижу людей, которые наводят на меня скуку, малышка Мин Ли.

Она спокойно улыбнулась ему. — Интересно, наскучу ли я тебе когда-нибудь? — спросила она. Он взял её руку и поцеловал. — Когда я буду очень, очень старым, — ответил он. — Это возможно. Когда я перестану любить красивые вещи, красивые голоса и всё то, что радует глаз.

Он обхватил её голову ладонями.

— Ты счастлива? — и когда она кивнула, он посадил её к себе на колени и, обняв, баюкал как ребенка, не произнося ни слова. В покое этой ласки его разум успокаивался и прояснялся, и он мог сосредоточенно и беспристрастно обдумать проблему Шона О’Доннелла и шайки Фини. Ибо они начинали действовать ему на нервы.

Майк Фини был крупным, нескладным мужчиной, типичным «миком», который начинал как землекоп. Захватив контроль над профсоюзом, он довел его численность до невероятных размеров простым способом — избивая каждого, кто отказывался вступать. К его чести стоит сказать, что он добился уступок для своих рабочих, поскольку был одним из зачинателей метода убеждения под названием «ананас». «Ананас» — это бомба; и бомба, оставленная на крыльце работодателя, который отказывался принимать условия Майка и его замов, обычно вызывала перемену в настроении в кратчайшие сроки. Если же нет — следующая бомба была еще более разрушительной. Немногие работодатели дожидались второго «ананаса»; и никто не стоял на своем до третьего.

Бутлегерский бизнес открывал золотые возможности. У него были все механизмы для террора. Его подпольные бары вырастали за одну ночь: одни — невзрачные притоны, другие — роскошно обставленные заведения. Он снабжал их выпивкой, и его банда боевиков становилась всё влиятельнее. Он открывал игорные дома, бильярдные, влез в бизнес «справочников» — эвфемизм для букмекерства.

Важную роль в организации играла его сестра, миссис Шон О’Доннелл. Она была движущей силой и, через своего мужа, фактически руководила делами банды. Ростом почти с брата, костистая, костлявая, краснолицая, с руками, похожими на сырое мясо, и длинным, вечно красным носом, эта большеногая леди когда-то, поговаривали, подралась с мужчиной и избила его. Никто никогда в этом не сомневался. Майк Фини, будучи подшофе, любил этим похвастаться.

Обладая всеми деньгами мира, она была самой безвкусно одетой женщиной в Чикаго. Она обожала кричащий фиолетовый цвет, невозможные оттенки красного, носила бриллианты размером с грецкий орех, вставленные в золотые броши величиной с кофейное блюдце. Её голос так и скрежетал, и когда она говорила, люди Фини начинали беспокойно ерзать.

Перелли она ненавидела за его подчеркнутую мужественность. Для неё он всегда оставался «итальянским пижонем». Она называла его и похуже, так как не одобряла его заведения в Сисеро. Когда-нибудь, когда её историю напишут, выяснится, что именно она подбивала мужа открыть конкурирующие бордели.

Она правила мужем даже больше, чем братом, что было удивительно, ведь у Шона был свой норов и мозги за троих Майков Фини. В остальном же она была столь же беспощадна, как и любой другой: отправляла людей на смерть и больше о них не вспоминала. Именно она организовала покушение на Тони Перелли.

— Мы знатно припугнули этого медвежатника, — говорила она мужу. — Будь в тебе хоть капля мужского сердца, ты бы пошел и прикончил его после того, что он наплел обо мне миссис Мерло. Может, для тебя и пустяк, что твою жену называют «кошмаром Ромео», но если это не оскорбление, то я сумасшедшая! Иди и достань этого макаронника, Шон!

Шон огрызнулся: — Ты прямо-таки жаждешь от меня избавиться, а? — буркнул он. — Не лезь в это, Белла.

Родители, лишённые воображения, называли её Флорибеллой.

До неё дошли слухи о красавице-китайке, живущей в квартире Перелли, и женское любопытство привело её с визитом. Она возвышалась над маленькой Мин Ли, как уродливая подъемная вышка над пасхальной лилией. Единственный раз в жизни в ней проснулось что-то человеческое. Перелли был поражен, узнав, что она оставила о себе хорошее впечатление у девушки. Что же до миссис О’Доннелл...

— Эта девчонка слишком хороша, чтобы жить в таком месте с этим грязным коротышкой-сицилийцем. Боже! Он жиреет, Шон. По нему только пьяный промахнется.

Шон ничего не ответил. У него были свои планы, и он не собирался спешить.

Жена принесла одну новость: — У Перелли новый человек из Нью-Йорка, один из этих, из «Пяти углов» — Кон О’Хара. Знаешь такого?

Шон знал; Майк Фини знал его еще лучше, и у него были веские причины его недолюбливать. — Он стрелок, причем ловкий — у Кона кишка не тонка. Он болтает без умолку, а это значит, что он как раз успеет посмотреть город перед тем, как отправиться на тот свет.

На той же неделе у Перелли появился еще один рекрут. Некий человек из Бостона, импортер спиртного и весьма уважаемый член общества, услышал через общего знакомого о несчастье одного выпускника Гарварда и написал Тони:

«Не знаю, сможешь ли ты что-то сделать для этого парня, но он из хорошей семьи, владеет парой-тройкой языков и может оказаться тебе полезен».

Так Джимми Макграт прибыл в Чикаго с рекомендательным письмом и чувством унижения, которое было тем более горьким, что было заслуженным. Его исключили из престижного университета за кражу — поступок одновременно подлый и глупый, который в трезвые минуты он сам не мог себе объяснить. Университетское начальство расценило его пьянство лишь как признание в другом, еще более серьезном проступке. Оправданием это не служило. Джимми черкнул короткую записку матери в Новую Англию, залег на дно в Нью-Йорке и, проведя бесплодный месяц в поисках работы, принял деньги на билет и то самое письмо, которое привело его в венецианское великолепие апартаментов Тони Перелли.

Джимми был высоким, светловолосым, симпатичным и нервным. Перелли он понравился с первого взгляда, хотя Тони и ломал голову, как его использовать. В парне чувствовались задатки «Большой Шишки». У него был упорядоченный ум, из него мог выйти отличный организатор. Но будущую «Шишку» нужно было «окрестить кровью». Джимми мог бы заменить Винсетти, но для этого требовалось пройти проверку. Правило Тони было непреклонным: человек должен был замарать руки в крови, прежде чем его посвятят во внутренние тайны банды.

Диктовало это условие не пристрастие к драме, а чувство безопасности. Человек должен быть «в деле» по самую шею. В банде не могло быть никого настолько невинного, чтобы он мог давать показания в суде без страха или знания о преступлении. Ты был либо «в игре», либо «вне игры».

За городом у них была ферма, где члены банды отдыхали от дел. Это был своего рода закрытый клуб со своим стрельбищем. Перелли отправил парня туда вместе с Рикардо, чемпионом среди пулеметчиков. — Дай ему «ключи», — распорядился он, имея в виду свободу действий в этом сером маленьком мирке.

Неделю спустя Рикардо доложил, что ученик не подает надежд. — У него кишка тонка, — сказал он. — Тебе лучше подыскать ему для начала что-нибудь попроще, Тони.

Так Джимми Макграта вернули в Чикаго и выдали ему «ключи» от территории, которой Перелли правил столь эффективно. Он знакомился с гангстерами — с людьми из одной банды, из другой, и с теми немногими, кто не примыкал ни к кому, но находился в опасности со стороны обеих сторон. По какой-то причине ему приглянулся Шон О’Доннелл, и — что еще удивительнее — О’Доннелл ответил ему взаимностью: пригласил к себе в квартиру неподалеку от Норт-Плейс и познакомил с женой.

— Ты ведь из шайки Перелли, а? — пренебрежительно спросила она. — Слушай, и зачем ты связался с этими сицилийцами? — Оставь пацана в покое, это его личное дело, — вмешался Шон. — Собираешься стать «решалой» у Тони, Джимми?

Джимми растерялся. — Ну, думаю, я буду тем, кем он меня сделает.

Шон задумчиво посмотрел на него. — Ему как раз понадобится «решала» теперь, когда он убрал Винсетти. — Своего лучшего друга... вот уж трусливая собака, — вставила миссис О’Доннелл.

Шон пояснил: — Винсетти бегал по городу и улаживал дела. Он избавлял Перелли от кучи проблем.

По совести говоря, Шон мог бы добавить, что и сам не раз выходил из щекотливых ситуаций благодаря вмешательству этого посредника.

На ланче присутствовал четвертый человек — мрачный итальянец, представленный как мистер Камона. Джимми не знал, какую именно роль тот играет в запутанных делах Шона. Человек говорил мало, да и то одними междометиями. Весь обед он только ел и пил, а в перерывах безучастно смотрел в окно, погруженный в свои мысли. Если он и открывал рот, то его английский был ужасен. Позже Перелли расскажет его историю: это был сицилиец, которого ввезли в Штаты контрабандой, без паспорта.

Майк Фини контролировал сеть «кухонь», где мужчины и женщины перегоняли денатурат, который позже «дорабатывали», разливали по бутылкам и продавали тем, кто не мог позволить себе «всё самое лучшее» (и чей суррогат по качеству мало чем отличался от яда). Камона в прошлом был бандитом, сидел в итальянской тюрьме и бежал от правосудия, когда его привезли в Чикаго. Его работа заключалась в организации этих самых подпольных винокурен. К слову, в итальянской армии он служил в пулеметных частях и стал ценным приобретением для карательного отряда Майка Фини.

Однажды вечером либо Камона, либо водитель его машины совершили роковую ошибку. Тони возвращался из оперы с двумя доверенными боевиками. Он как раз сворачивал в боковой переулочек с Мичиган-авеню, когда с ними поравнялся другой автомобиль. Тони рухнул на пол, когда град пулеметных пуль прошёл окно. Одному из его спутников повезло меньше — он осел с пуль в шее. Всё заняло несколько секунд. Четыре зорких глаза успели заметить свисающие усы за прицелом пулемета.

Тони отвез раненого в больницу и вернулся в свои апартаменты совершенно спокойным и невозмутимым. Мин Ли, которая дожидалась его, и понятия не имела, что произошло, хотя и догадывалась: случилось что-то серьёзное, так как Тони велел ей немедленно идти спать.

Камона жил в небольшом многоквартирном доме на южной стороне. Он вернулся домой в два часа ночи и уже вставлял ключ в замок, когда сзади подошел человек, приставил пистолет к его затылку и выстрелил. После этого он с полнейшим безразличием зашагал обратно к ждавшей его машине и скрылся прежде, чем поблизости появился хоть один полицейский патруль.

— Хорошая работа, Кон.

На следующее утро за завтраком Перелли поздравил своего новейшего рекрута. Кон О'Хара — коренастый, модно одетый и невыносимо болтливый — ухмыльнулся, принимая комплимент. Это было его первое «сольное» задание для Перелли.

— Чистая работа, Тони — это по моей части. Я никогда не даю парню больше одной пули, после неё его имя — «был». Я мог бы взять его прямо на улице, но там какая-то бабенка прощалась со своим кавалером. Я подождал, пока он поднимется по ступеням, достал свой тридцать восьмой... — Ладно, ладно.

Тони не жаловал людей, склонных драматизировать свои поступки. — Ты отличный парень.

Джимми узнал новости из вечерних газет и был потрясен. Еще два дня назад он сидел за одним столом с этим человеком — живым существом, у которого было прошлое и планы на будущее, а теперь тот превратился лишь в объект любопытства для полицейских и имя в кричащем заголовке.

— Как думаешь, кто это сделал? — спросил он Тони. — Я сделал, Джимми, — Перелли не сводил глаз с парня. — Да. Этот тип вчера пытался меня остановить. Наставил на меня пулемет — какова наглость! — Так это ты был в машине, по которой стреляли? — недоверчиво переспросил Джимми.

Он читал о стрельбе на Мичиган-авеню, но имен в прессе не называли. Перелли кивнул. — Я. — Ты уверен, что это был именно Камона? — Джимми всё еще сомневался.

Тони Перелли тихо рассмеялся. Его забавлял эффект, который произвело его признание.

— Так уж тут всё устроено, Джимми — убийство за убийством! Я не хочу никого убивать, но что делать, если эти ребята приходят за тобой? Для нас нет закона, Джимми: мы сами себе и полиция, и палачи. Если парень прописывает тебе «высшую меру», ты должен ответить ему тем же, а если он доберется до тебя, твои ребята должны за тебя поквитаться. Вот так это работает. Допустим, пойду я в полицию и скажу: «Мистер Камона наставил на меня пулемет». И что скажут все эти законники? «Доказательства! Где ваши доказательства?» А единственное мое доказательство — это мои глаза и вот это, — он постучал себя по груди. — В этом рэкете

одно из двух: либо ты шлепаешь, либо тебя. Теперь понимаешь, Джимми? Закон не на нашей стороне. Мы не можем притащить парня к судье и сказать: «Он меня подставил» или «Он мне задолжал и не платит». Мы не можем добиться судебного запрета против тех, кто лезет на нашу территорию, и не можем дать рекламу: «Наше пойло лучше, чем у конкурентов». Единственный закон, который мы знаем, — это тот, что мы получаем от адвокатов и легавых. А легавый ничего не значит, если он у нас на зарплате.

— Убивать человека... в холодном рассудке... это кажется ужасным.

Перелли покачал головой. — Убивать в горячке, сгоряча — вот что ужасно. Потому что в девяти случаях из десяти ты ошибаешься и убиваешь того, кого не следовало бы, кого ты не хотел убивать. Посмотри на войну, Джимми — я там был. Убивали парней, которых в глаза не видели — отличных ребят, наверняка. Они ничего плохого не сделали, но мы просто шли и убивали их, а они — нас. В этом нет смысла. Но когда мы убиваем человека, для этого есть причина, и это стоит того, чтобы быть сделанным. Поступки сгоряча обычно глупы, а те, что делаются с холодным расчетом, — единственно стоящие.

Так Джимми получил свой первый урок этики преступного мира, и, будучи молодым, он был впечатлен.

— Держись поближе к Шону О’Доннеллу, — напутствовал его Перелли. — Может, со временем станешь нашим «решалой».

Макграт пересказал ему разговор, который состоялся у него с Шоном.

— Отлично, — кивнул Перелли. — Мы с ним мыслим одинаково. Может, ты и займешь место Виктора, а для тебя это будет означать большие деньги, Джимми.

В глубине души он понимал, что никто не сможет заменить Виктора Винсетти. Тот с самого начала был пропитан традициями этого странного преступного мира, обладал исчерпывающим знанием его кодекса, основанным на личном общении с каждым его представителем.

Один за другим Джимми знакомился с верхушкой банды. Анджело с его ленивой улыбкой и едким чувством юмора ему понравился. Хвастливый Кон О’Хара произвел менее приятное впечатление. Наконец он встретил Мин Ли. Он слышал о ней и сгорал от любопытства — насколько слухи соответствуют истине. Её красота буквально сбивала его с ног. Природное очарование девушки лишь подчеркивалось роскошной обстановкой. Тони не жалел на неё денег. Он заказывал с Востока шелка, которые стоили дороже золота того же веса. В буквальном смысле слова он сменил обивку мебели на шпалеры, которые бы лучше оттеняли её кожу. Джимми ушел после той первой встречи с чувством, будто пустота в его душе внезапно заполнилась. Он влюбился в Мин Ли с первой секунды. С тех пор он стал заходить очень часто, и Мин Ли со всей серьезностью наблюдала за этим. В её жизни был лишь один мужчина — Тони Перелли, и другого быть не могло.

Мин Ли смотрела в завтрашний день, зная, каким пугающим он может оказаться. От родителя-европейца она унаследовала философию, которая прекрасно уживалась с её восточной натурой.

Однажды Тони спросил, любит ли она его, и она так долго медлила с ответом, что его самолюбие — крайне уязвимое место — болезненно заныло.

— Полагаю, что так; думаю, что да; да, — сказала она. — Наверное, я просто не знаю, что такое любовь. Те девушки, что приходят сюда, болтают о ней так, будто это массаж лица или новый фильм. Я не умею об этом говорить. Ты пугаешь меня — вот и всё, что я знаю.

Он посмотрел на неё; в складке на лбу, в застывшем лице, в холодном прищуре его глаз застыл вопрос.

— Любишь меня, а? Представь, что в холле ждет человек, и я скажу тебе: «Мин Ли, выходи, он там со своими стрелками, и первый, кто переступит порог, будет убит». Ты бы...

Она рассмеялась. Она смеялась очень редко, и это был тихий смех европейца, а не пронзительное хихиканье китайских девчонок, которое он привык слышать.

— Я бы вышла, да, конечно.

Его дыхание участилось. — Тебя бы убили, Мин Ли, понимаешь? Она кивнула. — Это пустяки, — бросила она. — А ради кого-то другого ты бы сделала это? Она задумалась, нахмурив брови. — Нет, — ответила она наконец. — Ни ради кого другого.

Широкая улыбка озарила его мясистое лицо, карие глаза заблестели. — Так это и есть любовь, маленькая ты дуручка! Ты моя прелесть! Он сгреб её в охапку и долго, страстно целовал.

4

Тони Перелли много думал о своем новейшем рекруте. Джимми ему нравился — настолько, насколько он вообще был способен симпатизировать кому-либо, — но он думал о нем слишком много. Джимми стал для него своего рода забавным раздражителем. Тони постоянно прикидывал, какое место тот мог бы занять в организации, но парень никуда не вписывался. Для «решалы» ему не хватало выдержки и опыта.

Он не был трусом, но, казалось, был неспособен на убийство. Не то чтобы Тони называл «убийством» устранение недружелюбного конкурента или того, кто покушался на его собственную жизнь.

Зато Джимми отлично вписался в обстановку апартаментов Тони. Он был внимателен к Мин Ли и, очевидно, влюблен в неё. Тони это не беспокоило: он воспринимал это как своего рода комплимент — то, что парень из колледжа одобряет и подтверждает его выбор.

Что с ним делать? Раз или два у Тони возникало желание сунуть Джимми в руку «штуку» баксов и отправить его «Двадцатым веком» в Нью-Йорк. Он мог это сделать, ведь Джимми не был «в деле» по-настоящему. Он не знал никаких секретов, не был посвящен ни в какие тайны, кроме того признания Тони о смерти Винсетти. И почему-то Тони отметал мысль, что этот мальчик когда-нибудь даст против него показания, даже если бы и смог.

Келли начал проявлять интерес к парню, что было в каком-то смысле прискорбно. Комиссар полиции был умен; Тони никогда не недооценивал его интеллект или талант «ловца человек». Проницательный, холодный, беспощадный, и всё же с жилкой доброты, о которой подозревали немногие.

У него была привычка заявляться без предупреждения, причем обычно в самые неподходящие моменты. Как-то поздно вечером он зашел к Тони и увидел Мин Ли — уже не в первый раз. Девушка ему нравилась; в Келли было много отеческого, а еще он обладал сардоническим чувством юмора, находившим удовлетворение в мысли, что именно Мин Ли уронила свое достоинство, приняв покровительство ганстера.

— Роскошно живешь, Мин Ли? — спросил он. Тони ухмыльнулся. — Роскошно ли она живет? Да эта крошка только начала жить, когда переехала сюда. — А когда она начнет умирать? — спросил Келли, не сводя глаз с девушки.

Тони нахмурился. Смерть — естественная смерть — была для него отвратительной темой. Он, живший под вечным прицелом, не знавший ни дня, ни часа, когда из тени выскочит заклятый враг и вылетит роковая пуля, питал суеверный ужас перед болезнями с возможным летальным исходом.

— Ах, что вы такое говорите, шеф! Здесь жизнь и счастье. Зачем вы пугаете мою девочку разговорами о смерти? Келли посмотрел на него с кривой усмешкой. — Тебя это пугает больше, я полагаю, — заметил он. — Что это за новый пацан околачивается с твоими головорезами?

Тони изобразил крайнее недоумение. — Я вас не понимаю... — Прекрасно понимаешь — Макграт. — О, Джимми! — Тони снисходительно улыбнулся. — Он друг моего друга. Приехал из Нью-Йорка. — Почему он не мог остаться в Нью-Йорке и пройти заочные курсы по убийству?

Тони укоризненно покачал головой. — Ужасное слово, — сказал он. — Убийство! В Чикаго слишком много убийств. Иногда я спрашиваю себя: исполняет ли полиция свой долг? А потом думаю: «Ну, мой друг мистер Келли на посту, значит, всё будет хорошо, и бандитов поймают и отправят на электрический стул». — И от этих мыслей тебе спится спокойнее, а? — хмыкнул Келли и повторил свой вопрос. — Что я буду делать с Джимми? Не знаю. Он хороший мальчик, замечательный мальчик. Он не годится для рэкета — слишком уж американский джентльмен. Думаю, я подыщу ему какое-нибудь дельце в Канаде. — Он новый «решала»? — спросил Келли. — Решала? — Тони изобразил полную растерянность.

— Тебе понадобится новый, раз уж ты уколошил Винсетти, — Келли никогда не стеснялся в выражениях. — Мне вот интересно, кто займет его место.

Тони Перелли изобразил глубокое потрясение. — «Раз уж я уколошил Винсетти», шеф? — в его голосе прозвучал болезненный упрек. — Послушайте, с чего вы это взяли? Винсетти, мой лучший друг? Нет, шеф, это банда Майка Фини его прибрала — говорю вам как на духу. Это тот подонок Шон О’Доннелл прописал ему «высшую меру».

— И ты готов подтвердить это на свидетельской трибуне? — быстро спросил Келли. Тони улыбнулся. — Я говорю это вам, потому что вы, мистер Келли, мой друг, а не потому, что вы коп. Я кое-что знаю, но доказать ничего не могу. А если бы и мог — неужели я похож на стукача?

Келли понимал, что между враждующими группировками заваривается нешуточная каша. Позиции Перелли крепили день ото дня. Его соперники стирались так же эффективно, как слова с грифельной доски. Фини по-прежнему оставался самым грозным из противостоящих ему главарей, а за Фини стоял Шон О’Доннелл.

Комиссар пытался выйти на него, но безуспешно. Наладить контакт с гангстером из враждебного лагеря — изобретателем «убийства через рукопожатие» — было непросто. Ведь не кто иной, как Тони Перелли в одну памятную ночь поприветствовал Эмилио Моретти крепким пожатием одной руки, в то время как другой в него выстрелил.

К чести Перелли стоит сказать, что он хотел мира. Он готов был выложить крупную сумму наличными за слаженную работу. У него было искреннее отвращение к убийствам. Он желал, чтобы война, которую он вел, обходилась минимальным числом жертв, и если бы деньги — или любые другие уступки, кроме потери территорий — могли обеспечить такое счастливое положение дел, он купил бы этот мир за любую цену.

С мелкими бандами он был беспощаден. Те не держали слова: сегодня брали его деньги, а завтра лезли в его заведения. Для таких мелких проблем существовало лишь одно решение: мелкие гангстеры приходили и уходили, и никто не замечал их исчезновения. Обугленные тела находили в лесах; людей, обмотанных проволокой, вылавливали со дна реки; одного застрелили среди бела дня в переполненном вестибюле театра. Все они ушли своей дорогой, как кучки пыли, которые легко сдуть. Майк Фини же был глыбой шлака, которую так просто не уберешь.

Связь с бандой поддерживалась через третьи руки. Джимми встретился с Шоном О’Доннеллом и пообедал с ним. Шону парень понравился: его втайне забавлял энтузиазм юноши, он не видел в нем вреда и уж тем более — опасности.

Шон серьезно выслушал наивные дипломатические выкладки мальчика. Когда Джимми закончил, ирландец покачал головой. — Ничего не выйдет, парень, — сказал он. — Встретиться с Тони? Где — в его золотой гостиной, как это сделал Винсетти? Ну уж нет! — Но я клянусь вам, что Тони хочет уладить все разногласия! Шон моргнул. — Громко сказано для убийства первой степени, — заметил он. — Конечно, он хочет «уладить», и мы тоже. Но улаживать будем мы — наши пушки ничем не хуже его. Нет, малец, не лезь в это. Ты отличный парень и не подходишь ни для этого рэкета, ни для любого другого. И передай этому ирландскому проходимцу Кону О’Харе, чтобы держал свою бабу подальше от Тони Перелли. Кону скоро

выпишут «билет в один конец». Мы на нем крест поставили, и он об этом знает, но всё равно передай ему мои слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.